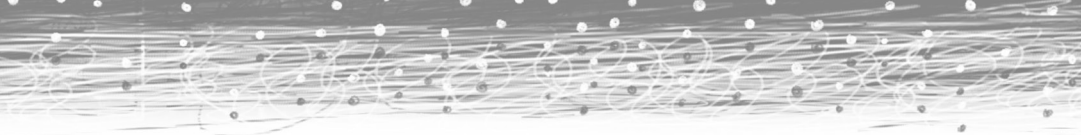

Содержание

Вместо предисловия.	5
<i>Наринэ Абгарян. Бегония.</i>	6
<i>Ольга Батлер. Воспоминания космонавта.</i>	20
<i>Станислав Ефанов. Когда кончится снег.</i>	37
<i>Юлия Гладкая. Новогоднее настроение</i>	80
<i>Дарья Ивановская. Белый снег</i>	87
<i>Владимир Чернявский. Никто не умрет</i>	102
<i>Лариса Романовская. Дорога белого слона</i>	115
<i>Елена Щетинина. Вустричный бог.</i>	123
<i>Арина Остромина. Тридцать седьмая.</i>	135
<i>Оксана Заугольная. Не Тайный Санта</i>	152
<i>Алексей Гагач. Поют ли блюз собаки?</i>	184
<i>Павел Губарев. Щелк!</i>	188

<i>Ольга Апреликова. Сердцебиение</i>	207
<i>Лада Кутузова. Пряжи судьбы</i>	234
<i>Сергей Леппе. «Декабрист»</i>	251
<i>Александра Груздева. Фри фром Будда</i>	269
<i>Диана Лапшина. Он где-то есть</i>	287
<i>Наталья Дзе. Дас ист мутант</i>	321
<i>Светлана Волкова. О геологах и их традициях</i>	330
<i>Роман Демидов. Черный ящик</i>	335
<i>Мария Рубцова. Соловей, который пел зимой</i>	351

Вместо предисловия

В последние дни декабря особенно остро начинает казаться, что вот-вот должно произойти что-то хорошее. Подсознательно, с детства, утренников, елок и веры в Деда Мороза, именно в эти дни мы привыкли рассчитывать на то, что случится чудо.

Среди зимы запоет соловей, кто-то вновь обретет смысл жизни, врач спасет, казалось бы, безнадежного пациента, осиротевшая дочь получит весточку из прошлого от отца, а люди, давно потерявшие друг друга, снова встретятся.

Может быть, именно наша надежда делает все эти большие и маленькие чудеса возможными.

В этой книге мы собрали целую коллекцию историй о самых разнообразных предновогодних и рождественских чудесах. И пусть каждый найдет здесь частичку чуда для себя.

Наринэ Абгарян

Бегония

6 Ничего не радовало Максима Георгиевича в предновогоднее утро: ни пенсия, которую повезло получить накануне за пять минут до закрытия банка, ни внезапно нормализовавшееся давление — пришлось аж три раза измерить на обеих руках (один раз сидя, дважды — лежа), чтобы убедиться, что тонометр не врет.

— 130 на 80, практически молодость, — хмуро констатировал он, убирая аппарат в ящичек тумбочки.

И даже бегонии, распутившейся пышным розовым цветом аккурат к морозам, не суждено было порадовать его.

— Нашла время! — проворчал Максим Георгиевич, переставляя ее на подоконник — поближе к скудному зимнему свету.

Завел он ее себе в мае, сразу после похорон жены. По пути с кладбища зачем-то заглянул в ларек на выходе из метро и попросил бегонию. Ехал потом семь остановок на автобусе, бережно прижимал к груди горшок с чахлым кустиком и утирал слезы насквозь промокшим носовым платком.

Анютка очень переживала, что он курит. Совестила и просила, чтобы бросил. Покупала журналы по здоровью и читала ему о вреде табака.

— Завтра брошу! — отмахивался он.

— Сколько раз ты мне это уже обещал?!

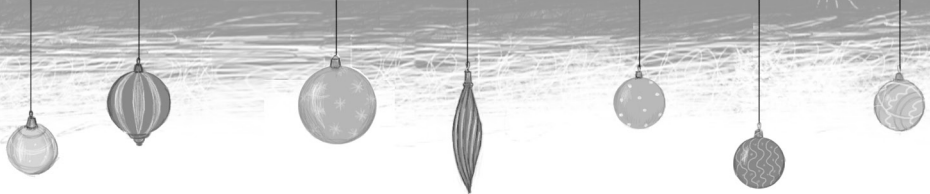
Максим Георгиевич делал виноватое лицо и, выждав некоторое время, сутулясь и кашляя в кулак, выходил на лестничную клетку, чтоб покурить в распахнутую форточку. Во дворе протекала обычная московская жизнь, соседи в квартире напротив по своему обыкновению ругались так, что слышно было через тяжелую металлическую дверь, по трубе мусоропровода с грохотом скатывался хлам. Максим Георгиевич чутко прислушивался и, если мусор падал внизу со стеклянным звоном, сокрушенно качал головой: «Что за люди, ведь сто раз просили стеклянное на помойку выносить!»

В апрельском номере «Лечебных писем» Анютка нашла статью, где обстоятельно расписывались полезные свойства бегонии.

— Тут говорится, что она очищает воздух и потому строго рекомендуется заядлым курильщикам. Давай заведем. Чистый воздух — залог здоровья.

— Помрем хоть здоровыми, — хмыкнул Максим Георгиевич. Любовь супруги к народным рецептам казалась ему чем-то вроде причуды, и он часто подтрунивал над ней. Она не обижалась.

Бегонию он приобрел в память об Анютке, пускай будет, раз она этого так хотела. Бросать курить не собирался, смысл бросать, когда из близких остались только пожилая дворняжка Тузик, альбом с пожелтевшими семейными фо-

Наринэ Абгарян

тографиями и читанные-перечитанные книги, содержание которых помнишь наизусть. Ну и стопка журналов «Лечебные письма», которые рука не поднялась выкинуть.

Тузик после ухода хозяйки совсем сдал, лежал на своем коврике и молчал. Ел с большой неохотой, страдал обострением артрита. Максим Георгиевич варил каши на бульоне — себе и ему. Наложит две одинаковые порции, свою чуть подсолит, ест и нахваливает. Тузик какое-то время смотрел с жалостью, потом тоже принимался за кашу.

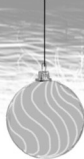
— Что поделаешь, — вел с ним разговор Максим Георгиевич, орудуя ложкой, — так велел ветеринар. Нужно, говорит, заинтересовать тебя едой. Вот, стараюсь как могу. Ты уж не обессудь, если что не так.

8 Тузик запивал кашу водой и отворачивался к стене. Тосковал по Анютке.

Максим Георгиевич приобрел хозяйственную сумку на колесиках и вывозил его во двор — подышать свежим воздухом и сходить до ветру. Сегодня пришлось в плед укутать — мороз на улице стоял сухой, хрусткий, аж дореволюционный — не вдохнуть и не выдохнуть. Анютка бы сказала — сусально-серебряный. Она очень любила слово «сусальный». Лето у нее было сусально-золотое, зима — сусально-серебряная. Лето в этом году выдалось жарким, зима ударила морозами. «Вот только зря старались, некому теперь вас сусальными называть!» — думал Максим Георгиевич, помогая Тузику выбраться из-под пледа.

На обратной дороге заглянули в продуктовый — прикупить хлеба и куриных крыльев. Магазин переливался новогодними огоньками, в витрине стоял огромный Дед Мороз —

БЕГОНИЯ

дородный, краснощекий — и приветственно махал прохожим красной варежкой. «И не подумаешь, что ненастоящий!» — проворчал Максим Георгиевич. Его сегодня действительно ничего не радовало, и даже веселый, словно из далекого детства, Дед Мороз навевал одно только уныние.

Он оставил сумку с Тузиком возле камер хранения, вопросительно глянул на охранника — тот покосился на собаку, но махнул рукой — не оставлять же на морозе. Максим Георгиевич коротко кивнул и прошел в зал. 31 декабря магазин работал до семи. До закрытия оставалось еще два часа, посетителей было очень мало — люди заблаговременно купили нужное и теперь, наверное, готовились к празднику. Анютка делала все обстоятельно: туго крахмалила кружевную скатерть, сворачивала из салфеток зайчиков со смешно торчащими ушками, зажигала обязательные красные свечи, заводила проигрыватель... Эх! У Максима Георгиевича защипало в носу. Он часто заморгал, отгоняя слезу, отругал себя за безвольность и решительно направился в отдел выпечки. Там он положил в тележку кирпичик «Дарницкого» (надолго хватит), чуть поколебавшись, добавил еще коробочку «Курябье» — к чаю. Осталось взять куриных крыльев и несколько пакетиков кошачьего корма — любимого лакомства Тузика. Путь лежал через молочный отдел. Вдоль морозильных ларей с мороженым, задумчиво распевая себе под нос песенку про елочку, ходил приставным шагом пятилетний мальчик в голубом комбинезоне. Иногда, прервав пение, он прижимался носом к прозрачной дверце и декламировал по слогам: «Плом-бир сли-воч-ный в мо-лоч-ном шо-ко-ла-де». И добавлял восторженным шепотом: «Вау!»

— Где мама? — спросил Максим Георгиевич.

Мальчик не обернулся.

— Там, — махнул он в сторону отдела фруктов-овощей и продолжил чтение: — «Са-хар-ный ро-жок плом-бир с клюк-вой».

Максим Георгиевич сразу разглядел маму мальчика (она выбирала мандарины, приняюхиваясь к плодоножкам), но на всякий случай решил уточнить. Он помахал рукой, привлекая к себе ее внимание:

— Это ваш ребенок?

— Мой! — кивнула она. И поспешно добавила: — Он совершенно безобидный.

10

— Не такой уж и безобидный! — сварливо прогундосил мальчик.

— Артем! — смутилась мама. У нее было очень располагающее к себе открытое лицо и ямочки на щеках.

— Сама же и называла меня горем луковым! — проворчал мальчик и обернулся. Максим Георгиевич крикнул — щека у него была залеплена большим пластырем.

— Это я случайно с Севой подрался, — пояснил он.

— Специально дерутся только дураки, — согласился Максим Георгиевич.

— Да?

— Зуб даю.

Мальчик округлил глаза.

— Зачем?

Максим Георгиевич, продолживший было свой путь, при- тормозил:

— Что зачем?

— Зачем зуб даешь?

— Ну... Это выражение такое. Наподобие клятвы. Можно сказать «клянусь», а можно — «зуб даю».

Мальчик почесал себе нос.

— Понятно.

— Я пошел? — спросил разрешения Максим Георгиевич.

— Иди.

Кассирша пробила чек неправильно — продублировала печенье.

— Исмаил, подойди, пожалуйста! — пропела она тонким голосом в переговорную трубку.

Максим Георгиевич удивленно вздернул брови — буквально минуту назад она спросила у него хорошо поставленным басом социальную карту москвича.

Исмаил оказался невысоким ослепительно лысым мужичком с мохнатыми бровями. Кассирша кокетливо улыбнулась ему и делано вздохнула — не знаю, что со мной сегодня происходит, постоянно перебиваю.

— Жить просто без меня не можешь, — хохотнул Исмаил.

— Не могу. Женишься на мне?

— А свою жену куда девать?

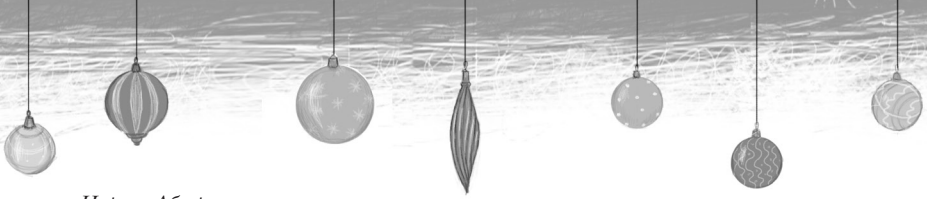
— Не знаю, не знаю, — последовал певуче-жеманный ответ.

Максим Георгиевич поспешно сложил в авоську продукты.

— Счастливого вам Нового года! — крикнула ему вдогонку кассирша.

Пришлось пожелать ей того же.

Наринэ Абгарян

Фонарь за окном, наконец-то починенный к праздникам, освещал кусочек тротуара с припаркованной заснеженной машиной, на лобовом стекле которой кто-то вывел незатейливое «Люблю Любу».

— Ишь, — хмыкнул Максим Георгиевич, нацепив на кончик носа обе пары очков — для улицы и для чтения — и разглядывающая надпись.

— Пиу-пиу-пиу! — взмыли в небо фейерверки и, взорвавшись разноцветными огнями, растворились в темноте.

Тузик завозился на своем коврике, вздохнул — он с детства не переносил шума и даже к старости, изрядно потеряв слух, нервно на него реагировал. Хотя сейчас скорее чувствовал его, чем слышал.

12

— Всю ночь будут взрывать. Придется потерпеть. — Максим Георгиевич с кряхтением нагнулся, погладил его по голове, почесал за ухом. Тузик с благодарностью лизнул ему ладонь, прикрыл глаза.

Анютка тоже не переносила шума. Она умела каким-то непостижимым образом убавлять вокруг себя звуки и приглушать тона — говорила всегда полупшепотом, работала практически бесслышно. И мир как будто подлаживался под нее — деликатничал, притихал. Когда ее не стало, живая, наполненная заботой и нежностью тишина обернулась в бездушную и каменную. Только Анютка могла согреть ее своим ненавязчивым, тактичным присутствием.

Максим Георгиевич отчаянно тосковал по ней. Когда становилось совсем невмоготу, он выдергивал из стопки «Лечебных писем» журнал, раскрывал на последней странице и читал письма одиноких стариков, желающих найти себе вторую

